

*ПЁТР ЛАСТОЧКИН –
СОЛДАТ ПОБЕДЫ
В уральских лесах*

Егор Павленин

Лошадь резво пересекла Сабельский лог и вынесла Егора Павленина на пригорок. Перед ним в серой дымке тумана широко раскинулся посёлок Чёрмоз. Раннее утро, солнце ещё за горизонтом не проснулось и своими робкими лучами не известило о своём появлении. Не проснулись и жители посёлка. Егор опустил поводья и предался размышлениям:

«Как быстро идёт время, оставляя за собой человеческие радости и горести, великие события и незаметные будничные дела... Запомнился Егору 1920-й год, когда он со своими боевыми товарищами вернулся домой из Сибири. Долгожданная встреча с родными, милой Таней, скромная свадьба, сердечные поздравления родителей и друзей... Позади пятнадцать лет семейной жизни. В 1925 году к задорной и озорной Валюшке присоединился братик Миша, а в 1927 году – Алёша. Но через четыре года смерть протянула свои костлявые руки к малышу, и он умер от скарлатины. Егор и Таня стойко перенесли навалившееся на них горе, а вот бабушка Лукерья не выдержала. Сразу после этого слегла и больше не поднималась.

– Егорша, Танюша, берегите Валюшку и Мишутку! Пусть живут долго, раз на свет божий объявились! А ты, Василий, за мной на тот свет не спеши, живи долго, а мне пора.

– Пора, пора! – зашумел Василий на жену. – Выкинь из башки эту дурь! Мы с тобой, Лукерьюшка, не всё свершили в этой жизни. Смотри, какие у нас сыновья! Орлы! Катюшка только недавно обженилась, этим летом Николай в отпуск к нам собирался. Запрещаю думать о смерти, и баста! Не позволю!

– Коля домой едет, а я, я... – Лукерья заплакала, закрыв лицо руками, – на могильник, дура, шары пялю! Ох, простите меня, старую! Понимаю, Васенька, жить надо, ну её к чомору эту костлявую с косой, пусть убирается восвося!

И после этого разговора Лукерья пошла на поправку. Через месяц встала на ноги, медленно, шатаясь из стороны в сторону, перебиралась из одной комнаты в другую. А ещё через месяц своё чудесное выздоровление она отметила, как поступают женщины на Руси: добралась, где ползком, где ходом, до церкви и поставила свечу Богородице за удивительное выздоровление рабы божьей Лукерьи Павлениной.

Таня за годы их совместной жизни поменяла три работы. Сначала работала на заводе табельщиком в механическом цехе вместе с отцом, затем кассиром-счетоводом. А через десять лет, после окончания в Перми шестимесячных курсов, стала бухгалтером в заводском управлении. Валюшка и Миша уже ученики. «Вот только у меня, – думал Егор, – в работе, точнее, в службе, никаких изменений: и кабинет прежний, и должность старая и очень хлопотливая». Он начальник милиции Чёрмозского района. Работы невпроворот. Сначала пришёл НЭП. С нэпманами воевал – кто пытался нарушить закон. Наступил 1929 год, «год великого перелома» – как его оценила печать и партийное руководство. Опять борьба с кулаками и подкулачниками. Отправлял провинившихся за Урал, в Сибирь – это раскулаченные мужики. И принимал по этому случаю репрессированных из западных областей страны. За Сабельским логом на чистом поле вырос посёлок спецпереселенцев.

Год назад в районе объявился отряд лесных бандитов – «народных мстителей», как они себя именовали в подмётных листовках. Костяк отряда состоял из беглых тюремщиков во главе с Леонидом Кочегаровым. Примкнули к ним крестьяне, недовольные коллективизацией. Бандиты схоронились в дремучих лесах между Каргино и Чёрмозом. Главари и рядовые бандиты беспрепятственно проникали в деревни Ивановского, Кыласовского, Романовского, Усть-Косьвинского сельсоветов и учиняли разборки, насилие и грабёж. Заметили их дважды на Каме и закамских лугах. Одним словом, пора принимать

решительные меры по искоренению бандитского сборища. Из Перми идут настойчивые приказы скорее покончить с врагами советской власти.

Возвращался Егор из Романово. На днях в деревне появились бандиты. Они избили жестоко Коробова Ивана, Нестерова Петра – активистов колхозного движения, предупредив их, что если они не отступятся от «комунык», то в следующий их приход им будет каюк. Павленин в Романово и Катаево оставил своих людей понаблюдать, как развернутся события. Территория района большая, и людей определённо не хватает. Нужны смелые и опытные бойцы, но где их взять?

С появлением лесных бандитов на дорогах стало очень беспокойно, население напугано. Удвоилась и утроилась пропажа лошадей и бычков. Что можно взять такое у сельского мужика, чтобы подрезать на корню его благополучие? Разумеется, лошадь. Она в цене, и на неё, кормилицу мужицкую, огромный спрос. Месяц назад инкассатора под Ивановском ограбили. Он только что прибыл на закупку сельскохозяйственных продуктов, в том числе и свободных лошадей. Всё это дела банды Леонида Кочегарова.

С ранней весны обстановку в районе внимательно отслеживают люди из властных структур города Перми:

– Егор Васильевич, наступит лето, и мы окажем вам существенную помощь. А пока управляйтесь своими силами, ведите разведку, отмечайте главные места их проживания и схроны.

Наконец вчера пароходом прибыл Николай Субботин, оперуполномоченный Пермского ОГПУ. Крепко сбитый, высоченного роста, он поднялся со стула и стал вровень с Егором, даже чуть выше, а рука, что деревянная лопата у родной матушки Лукерьи, когда она торжественно вынимает из печи каравай душистого хлеба. Рукопожатие твёрдое и крепкое.

– Будем знакомы – Николай!

– Егор, здешний непутёвый начальник.

– «Непутёвый», думаю я, для красного словца сказал. Читал я в секретной части твою биографию. Боевая и серьёзная. У церковных святых, на которых молятся набожные прихожане, такой нет и не будет! Думаю, что сработаемся. Время пока есть, людей найдём, Пермь поможет.

– Согласен. О тебе, Николай, тоже наслышан. Вдвоём с тобой горы свернём!

– Обольщаться не стоит, Егор. Я так думаю, чтобы с бандой покончить, надо в неё своего человека заслать. Это нам поможет контролировать бандитов, а потом и уничтожить.

– Где такого нам удальца найти? Нужен человек ненашенский, чёрмозских Кочегаров враз расколет!

– Есть такой! Завтра утром мы с ним встретимся. Ваши люди о нём не должны знать! Фамилия его Ласточкин, звать Петром. Засветился он ещё в Гражданскую. Сотрудник Чердынского ВЧК, затем отряды ЧОНа, на секретных операциях работает уже десятый год. Толковый, изобретательный, мастеровитый. Кем он только не был: печником, сапожником, плотником, торговцем, нищим, учителем – для дела.

– А у нас он в качестве кого будет?

– Обмозгуем втроём, хотелось бы услышать и мнение Петра.

Егор проследовал узкими улицами Горы, проехал к заводскому саду, спешился и вошёл в ворота. На лавочке курил Николай Субботин, лошадь стояла позади, привязанная к тополю.

– Едем на встречу? – отрывисто спросил Егор.

– За мной дело не станет.

Два всадника бесшумно проехали заводскую плотину и исчезли в предутренних сумерках.

Пётр Ласточкин

Город Пермь, Пермское ОГПУ. Пётр Ласточкин вышел из кабинета Николая Бузмакина, заведующего оперативным отделом. Состоялся длинный двухчасовой разговор.

Бузмакин:

– Здравствуй, Петро. Проходи и внимательно слушай меня.

Ласточкин:

– Сажусь и слушаю.

– Предвидится тебе секретная командировка. Готов?

– Готов, раз надо. Поеду, не в первой, а куда?

– На север от города Перми, в район Чёрмоза, Нердвы, Карагая. Места лесные и таёжные, глухомань непроходимая. Задача: проникнуть в банду Кочегарова -Упыря.

– Странно, два руководителя в банде, как они управляются с подчинённым народом?

– Согласен, есть сомнения. Связка удивительная. Кочегаров – бывший чёрмозский пристав, без пяти минут дворянин. По политическим взглядам меньшевик, мечтающий о монархии. Алёха Упырь, он же Равиль Убырёв, уроженец Майкора, опытный уголовник, вор в законе. Когда его на зоне короновали, он имя поменял, а кличку оставил. Алёха – жестокий уголовник, уркаган до кончика ногтей. Родился он хоть и в Майкоре, а загремел в тюрьму, живя в Чёрмозе. И Чёрмоз для Алёхи город не чужой. Он, Кочегаров и с ними ещё три подельника бежали вместе из лагеря. А что лично связывает Упыря и Кочегарова, вот ты и выяснишь при знакомстве.

– Какая у меня легенда на этот раз?

– Пойдёшь к бандитам, можно сказать, почти без легенды. Скажешь при встрече, что сидел в пермской тюрьме в одной камере с Павлом Коровиным, родом ты из Чердыни, попался за спекуляцию. Посидел три недели, допросы ничего не доказали, а посему прошлись кулаками по лицу, под дых и сказали: «Убирайся прочь, крыса вонючая, нет времени с тобой возиться, есть дела поважнее». А Коровин это усечёт, поэтому тебе откроется. Вот это примерно и будешь говорить при встрече.

– А поверит ли он мне, вот вопрос.

– Поверит, Ласточкин. Записку предъявишь, написанную Коровиным. Это для тебя пропуск в банду и защита. Вот она: «Упырь, салам аллеюкум! Вспомни нашу встречу в 30-м году в Чёрмозе. Остальное допетришь. Паша. Принесёт записку лох, человек со стороны. Доверься и отблагодари». Заключённый, который сидел с Коровиным, давно уже дома, сушит потрёпанные крылышки. А записку мы у него изъяли. Вот такая ситуация. По нашим скудным сведениям – а где их больше взять? – банда хорошо спряталась в лесах, вдали от дорог. С Кочегаровым и Упырём полтора десятка человек. Есть, думаю, случайные, а остальные с враждой к законной власти. Всё это крайне ненормально. Жизнь деревенская в колхозах налаживается, строятся новые производственные, да и человеческие отношения, а тут люди из леса с ружьём или обрезом с угрозой и расправой. По приезду в Чёрмоз поступаешь в распоряжение Егора Васильевича Павленина, начальника милиции. Человек бывалый, грамотный, прекрасный оперативный работник. У меня всё. Есть вопросы?

– Нет!

– Вот и хорошо! Встреча ваша состоится в окрестностях посёлка Чёрмоза. Туда тебя доставят 25 мая.

Этот разговор Пётр мысленно прокрутил в голове, сидя в просторном лесном балагане на деревянном топчане. Вспомнилась ему боевая юность в начале Гражданской войны на Урале.

Родился Ласточкин в селе Белая Пашня, что на севере Пермской губернии. Отец – промысловый охотник, мать – домохозяйка, детей немного: он, Петро-большак и две сестры, Валя и Галя. На десятом году семья переехала в Пожву. Отцу Пожва не поглянулась, и он подался на левый берег Камы, в Соликамск. Там семья закрепилась и задержалась надолго. До шестнадцати лет Пётр учился, а затем его революционным потоком потащило и понесло...

1917-й год. Он, шестнадцатилетний комсомолец, вступает в отряд ВЧК. Знаменательные встречи, старшие товарищи, формируются жизненные идеалы, появляется уверенность в себе...

1918–1919 годы – война с колчаковцами и окончательное изгнание их с территории Урала. Последующие три года Пётр – боец Красной Армии, а затем командир роты интернационального полка, который освобождал в 1922 году Владивосток от японских завоевателей. В эти годы судьба свела Петра с замечательным человеком, комиссаром полка, китайским рабочим Джу Чао. Рабочий из Шанхая, убеждённый марксист, он со своими соотечественниками, выходцами из Северного Китая, составлял ядро 10-й роты 5-го Интернационального полка. Китайцы-красноармейцы мечтали о том времени, когда вместе с частями Красной Армии вступят на родную землю.

– В Китае будет социализм, – уверенно говорил Джу Чао. – Русский пролетарий нам поможет.

Всепоглощающей страстью Чао была борьба джиу-джитсу, карате. Он увлёк Петра, заманил в занятия по освоению приёмов восточных единоборств. В 1922 году, когда Ласточкин собирался домой, ему не было равных в борьбе как среди русских, так и среди китайцев.

– Хорош Петруша, – часто говорил ему китайский тренер и учитель. – Талант уникальный, с пятью соперниками, пожалуй, справишься. А больше... – он многозначительно поднимал палец ко лбу, – какая судьба: чёт или нечёт, какие борцы попадутся.

В 1923 году Ласточкин вернулся на родину. Его взяли рядовым сотрудником в оперативный отдел Пермского ОГПУ. И начались будни, спрессованные временем, опасными операциями и кратковременными передышками между ними. Огромный жизненный опыт, отличная физическая подготовка не раз помогли Петру выбраться из почти безнадежных ситуаций. Мать и отец по-прежнему жили в Соликамске, сёстры вышли замуж и разъехались, одна в Кировскую область, другая в Самару, на берега Волги.

Вдали, в густом тумане, заржала лошадь, и всё стихло. Пётр выскочил из избушки, обошёл крадучись вокруг неё, упал на землю и затаился. Осторожные шаги приближались. Отчётливо прозвучал пароль: «В лесу раздавался топор дровосека» – «Отец рубит, а я отвожу».

– Всё правильно. Ласточкин, принимай гостей! – громко объявил Николай Субботин.

Не спеша разместились в просторном балагане, вскипятили чай, поели и тщательно обсудили все вопросы внедрения Ласточкина в логово местных бандитов.

– Запомни, Петро, – ещё раз повторил Субботин, – кто и где у тебя будет связным. В Одино – Василий Васёв. По легенде, ты с ним служил в одном батальоне в годы Гражданской, в Тяпугино – Олег Тяпугин. С ним ты плавал по Каме и Волге на пароходе. В Ивановске – Аня Белякова, фельдшер. Ты с ней познакомишься непременно, так как будешь строить дом для медпункта. При знакомстве скажешь: «Я тот, кого вы ждёте. Клятва Гиппократова на всю жизнь». Будешь работать на строительстве медпункта, поближе сойдись с мужиками, узнай, где хоронятся бандиты, к ним беспричинно не лезь. Если выхода не будет, тогда другое дело.

В дверь балагана кто-то тихо постучал.

– Входи, Матвей! – приказал Субботин.

В дверном проёме показалась мощная фигура мужчины лет тридцати, мужественное молодое лицо, не по возрасту большая рыжая борода.

– Знакомьтесь, – обратился Субботин к своим собеседникам, – Матвей Козлов, охотник, рыбак из Комарихи. Наш человек, абсолютно надёжный.

– Будем знакомы, – прогудел басом Матвей. – Пора в путь-дорогу. Пойдём лесными тропами на Ивановск, минуя тракт. К вечеру, думаю, доберёмся до Тяпугино, а после разбежимся: ваш человек идёт дальше, а я домой.

Шли Матвей и Пётр лесными тропами вдоль Чёрмозского пруда. Небольшие лесные поляны встречали их сочной зеленью, роскошными букетами цветов. Придёт июль, и эта удивительная красота упадёт безвольно под ударами острых кос практичных чермозян, которые приедут сюда заготавливать душистое сено.

К обеду сенокосные угодья сменил дремучий хвойный лес. Огромные сосны и ели раскинули свои мохнатые ветви, переплетаясь в крепком объятии. Тропинка чуть-чуть проглядывалась в сумраке негостеприимного леса. Лесная чаща внезапно закончилась, потянулись весёлые лужайки, дальше обширные луга, справа засверкала изумрудными блёстками в лучах горячего солнца таёжная река Чёрмоз. Перешли временный деревянный мостик, переброшенный через реку. А вот Ивановский тракт. Матвей и Пётр по-дружески попрощались. Один ушёл лугами в сторону Тяпугино, другой – дорогой в сторону Олеково, на ночлег к Суханову Николаю.

Ласточкин вступил в село, когда солнце закатилось за лес. Светлые сумерки сменились тёмным ночным покрывалом. На небе ни звёздочки. У реки Чёрмоз на мостках он остановился и быстро сориентировался: «Заречная сторона, третий дом слева...» А вот этот предполагаемый дом. Постучался в дверь и прислушался. В сенях скрипнула половица, и женский голос настороженно спросил:

– Кто здесь? Что вам надо?

– Запоздалый путник ищет, где переночевать.

– Извините, я вас не знаю и пустить в дом не решаюсь.

– Вы Анна Белякова, фельдшер?

– Да.

– Вы должны знать, что клятва Гиппократа даётся на всю жизнь.

Пароль, неожиданно прозвучавший за дверями, видимо, озадачил девушку. Она немного замешкалась, но затем решительно открыла дверь:

– Входите.

Ласточкина поразила даже не её молодость – ей можно было дать навскидку лет шестнадцать, не её роскошные белокурые волосы, завитые колечками, не задорный носик, а огромные голубые глаза. Девушка застенчиво улыбнулась, а в глазах на миг засверкали озорные смешинки и тотчас исчезли. Длинные чёрные ресницы взлетели вверх, и Пётр вздрогнул. Ещё минута, и он бы утонул в голубом бездонном тумане этих чудесных глаз! Сердце застучало быстро и громко, он почувствовал, что ему не хватает воздуха. «Всё, – подумал он, – конец тебе, Петруха. Такую очаровательную девушку нельзя не заметить, нельзя не любить! А мне ещё с ней работать, бандитов ловить!»

Девушка протянула ему ладошку и просто сказала:

– Аня!

Для Петра её голос и имя прозвучали, как эхо, как громкий набат, как что-то божественное и удивительное! Он поперхнулся, тут же набрал воздуха и выдавил:

– Пётр.

– Вы очень устали, – раздался опять мелодичный, чудный голос. – Проходите к столу, я вас накормлю.

Только за столом Ласточкин взял себя в руки, и разговор покатился в обычном русле.

– Завтра я вам, Пётр Николаевич, покажу строительную площадку, где будет новый медпункт.

– Давай, Аня, на ты, говорить напрямую, а «выкать» нам несподручно.

– Согласна, Петя. Но на людях ты для меня останешься Петром Николаевичем, главным мастером строительных дел. Петя, а ты плотницкому делу обучен? Ведь рубить дом с фундамента очень сложное дело.

– Умею, Аня. Ты спроси, чего я не умею.

– Лечить людей, Петя, ставить диагноз, перевязывать, ухаживать за ними...

– Вот ты здесь, Анюта, ошибаешься. На Дальнем Востоке я воевал три года, у одного китайца многому по медицине научился. Он очень умело внедрил в мою любознательную

голову основы траволечения, хирургии, массажа, все секретные методики оздоровления человеческого организма. Могу – я в этом уверен – в отдельных случаях тебя превзойти и диагноз точно поставить по пульсу на левой руке.

– Ну, Пётр Николаевич, ты меня ошеломил и твои слова для меня приятное откровение. Думаю, что с тобой надо подружиться. Такой замечательный доктор может и меня чему-нибудь научить.

– Согласен, Анюта. За добрые слова спасибо! А теперь давай поговорим о деле. Первое: назови тех, кто, на твой взгляд, может быть связан с бандитами.

– Назову. Это Ермолай Спириин, охотник, рыбак, бобыль, кличка Ермошка. Далее Иван Сырчиков, он постоянно в банде. Временами тайно посещает семью. Очень привязан к ней, любит детей и свою жену. Авдотья, его жена, очень честная, справедливая женщина. Мужа ругает и в хвост и в гриву, но вернуть Ивана в семью не может. Бандиты крепко его держат, он у них на крючке. А детей у них семеро по лавкам. Опасается Иван сдаваться советским органам, как велит Авдотья. Примерно десять дней назад в лесу нашли убитым милиционера Степанова. Слушок прошёл, что его якобы убил Сырчиков. Тёмная история, и фактов нет, и Ивана нет... Петя, будешь жить у тётки Александры, у неё большой дом, отдельная комната. Строители медпункта тебя заждались, это два брата Юговых и их отец Алексей Никодимыч.

– Понял, Анюта, давай спать, разбуди меня в шесть утра, я уйду в сельсовет и стану на учёт. И за дело!

Прошло три дня. Тяжёлая и спорная работа с раннего утра и до вечера, и ни минуты свободного времени. «А когда же я своим заданием буду заниматься, – думал про себя Ласточкин. – Три дня прошло, и никакой подвижки. Надо срочно увидеть Аню. А для этого нужен серьёзный повод». Утром он рассёк гвоздём локоть, пошла кровь. Алексей Никодимыч хмыкнул и посоветовал:

– Беги, парень, к Аньке, пусть рану полечит. Сидит, наверное, без дела.

Аня его встретила чуть ли не с восторгом:

– Проходи, Петя. Как я измучилась, всё думала, соображала, как тебе помочь, но ничего не решила. Главное, связи с тобой нет, а время уходит. Бандиты там, а ты здесь.

– Правильно думаешь, Анюта. Связник мне нужен и помощник.

– Предлагаю тебе двоюродного брата Алёшу Зелина. Юноша живой, смекалистый, страстный охотник, рыбак. Вот на этой любви к природе вы сможете подружиться. Я что нужно узнаю – и ему на ушко, а он тебе. Вот так наша цепочка заработает. Это первое. А ещё я разрешаю ухаживать тебе за мной. Я девушка свободная. Об этом всем говори вслух. Назначай свидания по вечерам.

В этот же день под вечер заглянул Алёша Зелин:

– Дядя Петя, слышал, что любите охоту и рыбалку? Приглашаю вас в свободное время на охоту. Места у нас мировые, и дичи много.

– Согласен, Алёша. Ружья только у меня нет.

– У деда Агафона возьму. Он с охотой распрощался по случаю плохого зрения и старческой хвори. Тогда до завтра?

– Согласен.

Пётр неслучайно рвался уйти в леса. Он понимал, что это первый шаг к логову бандитов. Надо искать дорогу к ним.

Алексей и Пётр шли лугами вдоль речки Чёрмоз.

– Давай, дядя Петя, отправимся на заимку к деду Аверьянычу. Это немного будет, вёрст пять, не боле. Леса там отменные: и пихтач, и березняк вперемешку с осинником.

Через час завиднелась заимка на опушке большого леса. От лесной избышки разбегались три тропинки. Аверьяныч возился с пчёлами. Увидев неожиданных гостей, пошёл навстречу:

– Проходите, сидайте на завалинку, перекурите, а я спущусь в голбец, достану ароматную бражку на медку.

Пили бражку-медовуху и понемногу разговорились.

– Правильно говоришь, Аверьяныч, от работы и кони дохнут. А мы, слава богу, ещё не кони. К тому же мы парнишки молодые, ещё не обженились, хомут на шею не повесили, а посему здоровье для будущей семейной жизни нам надо строго беречь.

– Балаболкой ты был, Алёшка, так и остался. Ни в деда, ни в отца...

– А в прохожего молодца, Аверьяныч, – подхватил Алёша, запивая свой разговор хмельной бражкой.

– Типун тебе на язык, парень! Перестань молоть отсебятину.

– Таким меня мама родила...

– А это кто с тобой? Молчит, языком не чешет, не чета тебе, балалайка.

– Сродственник мой, брательник из Сретенского, по делу. А я его в лес комаров кормить, к лешему на прописку. Хватит, Аверьяныч, о нас. А ты как живёшь, чем промышляешь, как здоровье?

– Пока здоров, шевелюсь помаленьку.

– Забегает кто-нибудь, кроме меня, в твои уголья?

– Бывает иногда. Вот милиционер Степанов на днях дважды забегал. Первый раз зашёл спросить, как пройти на Карманиху. Ну я ему натурально всё показал и подробно обсказал, и он ушёл. Вежливый, не чета тебе, всё благодарил. А на второй день он опять появился, но тайно. Мне не представился, стал тихо обходить пасеку слева. Я взволновался: куда это он? И за ним по его следам незаметно целый час следил. Прошли Медвежьё елань. Тут Степанов закурился на месте и кинулся в берёзовую рощу. Вдруг прозвучали два выстрела. Упал он, бедолага, на землю и не шевелится. Крепко, знать, пуля его подкосила. Я же притих и затаился. Глядь, из осинника выбежали два человека: один – мне неизвестный, а другой – Ермошка из Ивановска! Схватили милиционера за ручки и ноженьки и уволокли в лес. За ними я дале не пошёл, побоялся.

– А ты, Аверьяныч, ничего не перепутал? Может, это всё тебе почудилось во время сладкого сна на печи?

– Вот тебе крест божий! – и старик перекрестился, и сплюнул догоревшую сигарку. На моих глазах, на трезвую голову это смертоубийство произошло. Забыть не могу!

– А ты знаешь, Аверьяныч, – продолжил Алёша, – Степанова нашли совсем в другом месте, недалеко от Ивановска, на лугах.

– Не знаю и знать не желаю. Не хочешь – не верь! И меня, дурака старого, худым словом не обноси.

– Верю, Аверьяныч. На селе, как на убойцу, все указывают на Сырчикова Ивана. Бабы, как с цепи сорвались, всё время Ивашке косточки перебивают.

– Сырчикова Ивана, Алёшка, я не видел, а Ермошка, он как на ладони передо мной. А второй, детина здоровый, всё им командовал.

– Значит, – авторитетно заключил Алёша, – убивал Ермошка, а свалили всё на Ваньку Сырчикова. Слух об этом идёт по всем окрестным деревням.

– Во-во, слух, – подтвердил старый охотник. – Слух гнилой, неправильный и кому-то выгодный.

«Выгодный главарям шайки, – подумал Пётр Ласточкин. – Ловко они на крючок посадили невинного Сырчикова. Будет он у них рабом и подельником до гробовой доски. Этот правдивый рассказ старого таёжника надо использовать немедленно и продуктивно. Сначала найти подходы к Ермошке, а он выведет меня на банду».

И случай такой скоро подвернулся. На зелёном берегу реки Чёрмоз собрался деревенский люд отпраздновать Троицу. Дети, визжа и ойкая, обкатывали вновь поставленные качели. Взлетишь высоко-высоко на доске в небо – сердце замирает, приятные мурашки щиплют спину и грудь. А была не была, пусть все видят, что я такая отчаянная: «Ванюшка, милый, поддай, сильней раскачивай качели! Хочу увидеть все окрестные леса и деревни! Ой!»

Девки и парни водили хороводы, плясали, пели, надрывно заливались гармошки. В сколоченных наспех торговых рядах шумно и празднично. Веселись, душа, отдыхайте, мужики! Позади стужа зимняя, впереди лето красное, уйма работы. Но это впереди, и не сегодня! А поэтому подымайте стаканы, друзья! Праздник пришёл первопрестольный и великий!

Немного в стороне, на поляне, любители борьбы в непримиримой схватке сошлись, и никто не хочет уступать. Всем хочется отличиться и отхватить главный приз – жирного барашка. Выделялся здесь Ермошка. Играя мускулами, улыбаясь непринуждённо, он легко заваливал своих соперников. В финале сошлись Ермошка и Петя Ласточкин. Поединок был упорным, тягучим. «Только не переборщить, – думал, борясь, Пётр. – Потреплю его основательно, вытрясу все силы, добьюсь, чтобы в его душонке зародился страх передо мной, а потом – поддамся. Надо, чтобы после этой борьбы мы стали не врагами, а друзьями».

Наконец поединок завершился. Ермошка припечатал Петю к земле и радостно запрыгал:

– Ура! Я победил! Уф, уморил ты меня, Петро. Такого поединка у меня ещё не бывало.

– Ничего, Ермошка, на Петров день я возьму реванш.

– До этого дня ещё надо дожить! – Ермошка дико заржал и запрыгал, топчя зелёную полянку. – Пошли лучше, по нашему обычаю, по рюмашке пропустим.

Они подошли к торговым рядам.

– За дружбу!

– За дружбу, – ответил Петро.

– Знаешь что, дружбан, заходи ко мне в любое время, буду рад.

– Понял, Ермошка, зайду, как причина для этого будет.

– Петя, – спросила Анюта, когда они возвращались с праздника домой при яркой луне, – ты почему не смог одолеть Ермошку, силёнок не хватило? Ой, как я за тебя болела, переживала, голос сорвала, вся извелась.

– Конечно, смог бы. И на первой минуте он валялся бы на земле без сознания, но что не сделаешь ради одной цели.

– Какой, милый мой Петя?

– Понятно, какой – проникнуть в банду. И Ермошка мне поможет.

– Ой, Петенька мой родимый, а я-то решила, что тебе не по силам этот чурбан стоеросовый. Извини, что в тебе усомнилась.

– Завтра я иду к Ермошке, буду проситься в банду.

Анюта прижалась к Петру и затихла. Ласточкин, удивлённый таким стремительным её порывом, замер на мгновение и остановился. Волосы её пахли ромашкой и ещё чем-то терпким и приятным. Молодые люди замолчали, хотя оба думали об одном, но об этом сказать вслух никто не решался.

– Я пойду, Петя, ты меня не провожай, – попросила Анюта и опять замолчала.

– До завтра, – сказал Петя, погладил девушку по голове и быстро удалился.

Наступил новый день и с ним новые заботы. Пётр после обеденного перерыва попрощался с Юговыми, сыновьями и отцом, и поспешил на окраину села к дому Ермошки. Домишко его стоял на косогоре огородом к реке. Ворота давно просили ремонта. Ласточкин прошёл сеньями и перешагнул порог.

– О, какой гость! Пробирайся к столу, закусим, чем бог послал.

– Сыт я, Ермошка.

– Просто так заглянул аль по делу?

– Дружбу крепить – это первое. А на второе я заготовил тебе маленький вопрос. Да ты не суетись, ничего серьёзного.

– Петро, я люблю ясность во всём, а также в нашем разговоре, – он достал из шкафчика бутылку самогона. – Давай выпьем, смажем наш разговор, и беседа покатиться как по маслу.

Выпили, закусили, помолчали.

– Давай по второй, – предложил Пётр.

– Угадал моё желание, Петя. Пьём!

Когда опорожнили до конца бутылку, Ласточкин спросил:

– Ермошка, ты из лесов не вылезашь, кого-нибудь встречаешь?

– Встречал. На днях колхозники жерди рубили.

– И всё?

– Всё, – твёрдо ответил Ермошка. – О лешем я не говорю, он всегда в лесу, то покажется, то исчезнет. Но это байки, он мне покуда не повстречался.

– Говорят, какие-то чужие люди по лесам ходят.

– Говорят, говорят... Это те, кто рот никогда не закрывают. Я не болтун.

– Молодец, Ермоха. Рот на замке – это здорово!

– Спрашивай, Петро, говори прямо, но меня не гневи. Я, когда выпью, бываю необузданным и в драку полезу.

– Лезть не надо и кулаками махать тоже. Только честно ответь: да или нет.

– Спрашивай, не томи душу.

– Знаешь ты Алёху Упыря?

Ероха быстро ответил:

– Не знаю такого. Зачем он тебе?

– Записку одну из тюрьмы передать.

– Ты что, Петя, в тюрьме чалился?

– Сидел я, Ероха. Больше ничего тебе не скажу. Упырю я бы всё поведал, да где его найти. Прощай, Ермошка, уйду. Если что узнаешь, зови, я мигом прилечу.

Через день встреча всё же состоялась. В полдень к срубам, где работал Ласточкин, прибежал босоногий мальчуган:

– Дядя Петя, вас Ермошка зовёт! Ждать будет на мостках у реки.

– Понял. Передай, что буду.

По дороге заглянул к Анюте в медпункт:

– Иду на встречу. Думаю, что бандиты мной заинтересовались.

– Петя, будь осторожен. Возвращайся домой.

– Если я к ночи не вернусь, значит меня увели в лес. Утром сразу передай в Чёрмоз по телефону Павленину Егору Васильевичу: «Дядя уехал в гости. Ожидаю его завтра».

– Всё поняла, Петенька. На прощанье меня поцелуй, родненький! – она поднялась на цыпочки и обняла его за плечи. Долгожданный зажигательный поцелуй вызвал всплеск бурных эмоций. Но они всё же сдержались, опасаясь расплескать огромную чашу сладостных чувств. Пётр с огромным трудом нежно оторвался от горячего и трепетного тела девушки, постоял, молча махнул рукой и пошёл вдоль по улице. На повороте в переулок повернулся и крикнул:

– Жди меня, Анюта! Я обязательно вернусь!

Дома он переоделся, запрятал нож в рукав куртки и отправился к Ермошке. Тот его терпеливо дождался на мостках, держа в руках удочку. Глаза любителя рыбалки блуждали где-то вдалеке, поплавок давно утянули вниз нетерпеливые ерши.

– Здравствуй, горе-рыбак!

– Я думал, что не придёшь! – Ермошка выдернул удочку вместе с ершом, смотал её и закинул на плечо. – Айда, дружан мой любопытный! Идём со мной, будет у тебя встреча с лесным людом.

Позади берёзовые рощи, лесные поляны. Дремучий, нехоженный лес встретил их невозмутимой тишиной и равнодушием. Пересекали небольшие болота, не замочив ноги. Вдруг перед ними на тропу выскочил мужчина, в сером плаще и кирзовых сапогах, без фуражки, волосы на голове взъерошены.

– Стой, кого чёрт несёт?

– Это курица яйца несёт, а мы идём. Не ругайся, Мишка! Разуи шары, не узнал Ермошку?

– Узнал, а кто с тобой?

– Пока никто, а потом узнаешь, веду в лагерь, приказ свыше.

– Валяйте дальше!

Не успели они пройти ста метров, как с двух сторон выбежали два мужика и крепко ухватили за руки Ласточкина, сзади в спину ему упёрся ствол обрез.

– Стой, сучонок огэпэушный! Дальше ты пойдёшь, если мне понравиться. А если нет, то здесь тебе и будет крышка! Враз отправим отдыхать в Сочи. Отвечай кто таков?

– Ласточкин Пётр.

– Чем промышляешь?

– Хожу по людям, помогаю им своим ремеслом. Этим кормлюсь.

– И это всё?

– Иногда торгую, иногда беру то, что лежит без присмотра.

– Откровенно базлаешь, сучонок. К кому из наших наострился?

– Алексею Убырёву несу важное сообщение. Если он у вас, то я ему обскажу один на один, или, как говорят французы, тет-а-тет.

– Что, что ты прочирикал? По ушам скользит, а в башку не заходит!

За Петра заступился Ермошка:

– Хватит, Плешка, мурьжить гостя. Мне велено его до Упыря доставить, и я это сделаю! Осади, Музыкант, этого фраера. Совсем озверел Плешка!

Музыкант – бандит сорока лет, высокий, худой, с длинными руками. На его большой голове выделялись огромные голубые глаза и кудрявые белые волосы. «На музыканта не похож, – подумал Пётр. – Я бы за его белёдые волосы назвал лесным альбиносом».

– Ша, Плешка! Отстань от гостя, теперь я буду базарить. Как тебя зовут, парнище?

– Пётр Ласточкин, человек без работы и дома.

– Это я уже слышал. Чем увлекаешься? Любишь музыку?

Плешка махнул рукой, сплюнул и сказал с досадой:

– Ну, Музыкант, ты опять за своё.

– Прочь от меня, арестантская шушера! Я жду ответа.

– Музыку люблю, особенно песни. Играю на гармонии, гитаре. Спрашивай далее.

– Я удовлетворён твоим ответом. Пойдём на фатеру, сыграешь на гитаре.

– Сделаю, если не сыграю сам в долгий ящик.

– Не получится. Теперь я твой заступник. Зови меня просто – Музыкант и держись при мне.

И Музыкант повёл их в лагерь. Они обогнули болотистую согру, зашли в непроходимые заросли ольховника и ивняка, затем тропа круто пошла вниз. Деревья и кустарники так тесно и причудливо переплелись друг с другом, что лучи солнца почти не проникали сюда. Перешли по жердям лесной ручей, поднялись вверх и упёрлись в крутой овраг. Музыкант ножом ковырнул глинистую стену... и вдруг приоткрылась дверь. «Ловко придумано. И схрона не обнаружишь», – подумал Пётр.

– Шевели ходулями! – его кто-то сильно и грубо толкнул в спину, и Ласточкин, боясь упасть, подпрыгнул над порогом и влетел внутрь землянки. Он увидел большую комнату, сверху проникали лучи солнца, скупо освещая стол и ближние нары. Полумрак не позволял рассмотреть всю землянку. За столом сидели четыре бандита, одетые очень скромно: грязные застиранные рубахи и штаны, кое-кто кутался в фуфайки, на голове шапка. Пётр сразу узнал Кочегарова Леонида. Тот был в очках, совсем лысая голова, мощная и сильная шея и грудь. На вид ему было лет пятьдесят. Рядом с ним сидел, точнее, полулежал, облокотившись на кресло, бандит лет тридцати, с двумя золотыми фиксами во рту, в зубах курительная трубка, одет в яркий голубой халат. Смотрел он на Петра презрительно, нагло ухмыляясь:

– Ну, говори, хмырь деревенский, с чем ты к нам пришёл?

– Я пришёл к Алексею Убырёву от Коровина Павла. Если он среди вас, то я передам ему с глазу на глаз записку.

– Во-во, этот прыщ мне про какую-то «тэту» вякал. Проверить его надо, Упырь!

– Не тараторь, Плешка, не спеши. Допрошу гадёныша. И если он не сучара голимая, тогда решу, жить ему или не жить.

– Никогда сучарой не был и не буду!

– Ты ещё скажи мне, что ты честный фраер! Видно птицу по полёту. Не коршун ты и не ястреб, а петушок задрипанный. И имя для этого подходящее – Петя, Петушок! Колись, за сколько гривен ты продался фараонам поганым?

– Никогда не продавался, я сам от них пострадал. За спекуляцию так мордовали, что до сих пор косточки болят. Не поддался я им! Ничего лишнего не сказал. А Коровин меня даже похвалил: «Правильно, корешок, мазу держал». Вместе нас на киче держали.

Заговорил вдруг Кочегаров:

– Упырь, не трать время. В уголок его и за ушко, послушай, что он кукарекать будет. А потом решим, что с ним делать.

– Братва, он нормальный пацан, на гитаре бацает, на тальянке играет. Давайте его послушаем!

– Музыкант, ты опять за своё. Как это тебе не надоест! Горбатого только могила исправит. Не мешай, не дави на психику.

– Потихе, Упырь. Сильно не возникай. Я это не позволю и не спущу!

– Не заводись, Музыкант, я не хотел тебя обидеть!

– И ты, Упырь, зря стараешься. Я ещё в лесу его раскусил. Бродяга он ползучий, спекулянт дремучий, Одним словом, ни то ни сё.

Бандиты притихли, понимая, что Музыкант «завёлся». А когда он приходил в такое состояние, то никто не мог его остановить или возразить ему. А в гневе он очень опасен – кокнет и не перекрестится!

– Всё-всё! – заторопился Упырь. – Понял тебя, дружище, бродяга он ползучий. Сейчас я его допрошу один на один, душонку его вшивую просвечу и всё вам доложу. Пошли, петушок, прокукарекай, что тебе наказал мой корефан Паша.

– Петя я, а не петушок.

– Это мне судить. Посмотрим, на что ты способен.

– Вот записка от Коровина.

Упырь внимательно прочитал, затем обнюхал, затем лизнул зачем-то языком и сказал:

– Записка подлинная. Что можешь добавить?

– На словах Коровин просил передать: «Камни заberi в Палкинском логу. Половина твоя».

– Дельно говоришь, уже не кукарекаешь, Петруха. Пошли к братве.

Упырь сел на нары, внимательно оглядел своих подельников:

– Нормальный парень оказался Петруха. Леонид, пошли на воздух поговорим.

Через четверть часа они вернулись в землянку, и Кочегаров сказал:

– Мы тут посоветовались с Лёхой и решили гостя нашего приبلудного оставить в отряде. Надо приглядеться к нему, проверить. Кличка его будет Бродяга. Сырчиков Иван, следишь за ним денно и ночью, башкой своей отвечаешь!

– Из-за этого хмыря и домой не сходишь!

– Заслужишь, отпущу тебя, Ваня. А пока бди!

– А ты, Музыкант, раз взял его под крыло, растолкуй ему, кто такие люди воровской масти.

– Будет время – расскажу!

Из группы бандитов вышел молодой мужик лет тридцати пяти, среднего роста, с красивыми правильными чертами лица, на голове густой чёрный чуб, представился:

– Иван. Давай за мной, Бродяга. Запоминай, вот наша кровать, спать будем валетом. Не возражаешь?

– Нет причины. Спать я могу в любом виде. Упал на кровать, и сразу дрыхну.
– Слышал, поди, что я за тебя в ответе? Сбежишь – и мне будет конец.
– Не побегу я, Иван! Вот моё честное слово. Не хочу, чтобы дети твои остались без отца-кормильца.

– Ну ты лихой! Ты уже с моей семьёй успел познакомиться. Ну и наглец! На Авдотью мою, поди, заглядывался? Баба у меня красивая и верная.

– Не пришлось, Ваня. А судьбе твоей не позавидуешь!

– Оставь причитания и заклинания! Я как-нибудь со своей судьбой разберусь сам.

Их напряжённый разговор прервал Музыкант. В руках у него была гитара.

– Сбцай, Бродяга, я тебя оценю, и братва послушает. Правильно я говорю?

– Молодец, Музыкант, двигай дальше!

Ласточкин взял бережно гитару, настроил, прошёлся по струнам и заиграл вальс «Амурские волны». Бандиты затихли, печальные аккорды вызывали явно не радостные думы.

– Молодец, Петруха! – вскричал Музыкант. – На гитаре играешь лучше меня. Спой что-нибудь свержипательное про нас, зеков.

Ласточкин вспомнил первую песню, разученную на гитаре. Ему четырнадцать лет, и он выступает перед друзьями на революционном кружке. И песня революционная. Была не была, играю её! И трогательная мелодия, берущая за душу, грустная и чуть-чуть оптимистическая, зазвучала в бандитской землянке:

Это было давно, лет пятнадцать назад,

Вёз я девушку тройкой почтовой.

Белолица была и, как тополь, стройна,

И прикрыта шелковым платочком.

Вдруг тюремный разъезд перерезал нам путь,

И на миг тройка вкопана стала.

Кто-то выстрелил вдруг прямо девушке в грудь,

И она, как цветочек, увяла.

Последние слова песни, последний аккорд на гитаре... Он посмотрел на своих слушателей. Они, растроганные печальной мелодией, проникновенными стихами, задумались и молчали. Кто-то подумал о своей непутёвой судьбе, кто-то вспомнил родной дом, родную мать или сестру, а кто-то свою первую любовь или жену.

Музыкант пришёл в неопикуемый восторг, кинулся к Петру и принялся трясти его за плечи:

– Ты настоящий музыкант! Ну, кто прав, братва? Не я ли говорил, что он нормальный пацан?!

* * *

В кабинете начальника чёрмоозкой милиции за столом трое: Егор Павленин, Николай Субботин, Даньшин Сергей, первый секретарь райкома партии. Говорил, точнее, докладывал Павленин:

– Сегодня рано утром получена шифрованная телефонограмма от нашего человека в Ивановском. Вот её текст: «Дядя уехал в гости. Ожидаю его завтра».

– Что это значит? – спросил Даньшин.

– Это значит, что Ласточкин Пётр ушёл в банду и не вернулся. Или его убили, или он в банде на положении пленника. Второй вариант для нас приемлемый и рабочий.

– Как понимать «рабочий»? – заинтересовался Даньшин.

– Ласточкин Пётр – опытный работник, голыми руками его не возьмёшь, моё мнение: он жив. А раз живой, то додумается подать весточку и укажет, где базируется банда. Сегодня в ночь сводный оперативный отряд выступает в сторону Ивановского. Будем брать банду! Доберёмся по тракту до Олеково,

затем Васёв Василий, житель деревни, лесами уведёт отряд к селу Ивановскому. На случай прорыва банды Кочегарова-Упыря, в деревнях Катаево и Романово установили заградительные посты из работников милиции и коммунистов.

– С планом согласен, утверждаю, – подвёл итоги Даньшин.

Первого июня в четыре часа утра оперативный отряд чёрмозской милиции, усиленный сотрудниками областной милиции, уходил из деревни Олеково. Проводник Васёв Василий.

– Идём вдоль Ивановского тракта по лесной дороге. Это зимник, по нему местные жители вывозят сено и дрова по снегу. Потом пойдут лесные вырубki, и мы на месте. Остановимся у лесника Ужегова Фёдора, что в десяти километрах от Ивановска, в Берёзовом логу спрячемся на день.

Первого июня, полдень, Берёзовый лог. После стремительного броска бойцы отдыхают. Егор Павленин с Васёвым Василием ушли в село. Задуманная операция началась.

Ночь долго не могла перебороть день, рыжий закат не хотел уступать ночным сумеркам. Только ровно в полночь стемнело, небо затянули хмурые тучи, на улицах села воцарилась сонная тишь. Павленин и Васёв сидели в комнате у Анюты Беляковой, тихо говорили, не зажигая лампы:

– Надо срочно вызвать Ивана Сырчикова из леса и с ним откровенно объясниться.

– А как это сделать? – спросила Аня.

– Только через Ермошку, а попросит его Авдотья Сырчикова. Веди меня, Аня, к Авдотье.

В доме у Сырчиковых состоялся прямой и открытый разговор:

– Авдотья Николаевна, вы должны спасти мужа и семью.

– Что делать, не слушает он меня, басурман упрямый! – с надрывом прошептала Авдотья. – Господи! – она упала на колени, устало опустив голову, крепко сжав руки перед иконой Богородицы. – Богородица пресвятая, заступница сирых и несчастных, помоги мне!

– Встаньте, Авдотья Николаевна! Многое зависит от вас, а Богородица, если верите, непременно поможет! Вот листок бумаги, пишите: «Ваня, родной, спеши домой, у Коленьки жар и приступы, очень боюсь за него. Авдотья». Эту записку немедленнонесите Ермошке и попросите, чтобы она утром была в лесу. Ваш Иван не убивал милиционера Степанова. Слух пустили бандиты, чтобы он никогда не вернулся в семью. Вам это понятно?

– Да. Какая я дура, подумала о нём плохо!

– Действуйте незамедлительно! Придёт муж, остальное за нами.

Рано утром Ермошка унёс в лес записку. Поздним вечером, когда Ивановское уже спало, в окно дома осторожно постучали.

– Заходи, Ваня, – радостно выдохнула Авдотья, обнимая и целуя мужа, – у нас очень важные гости.

Этой же ночью Павленин Егор сделал очень выгодное предложение Сырчикову:

– Ты нам сдаёшь бандитов, укажешь их место расположения, а мы закрываем дело на тебя. В селе запустили слух, что тебя арестовала чёрмозская милиция. После разгрома банды мы тебя отпустим домой.

Не молчала и Авдотья. Она окончательно развеяла сомнения мужа:

– Решай, Ваня, кто тебе ближе: мы или твои бандиты! Или ты с семьёй и законной властью, или забудь нас и милуйся со своими друзьями-ворами.

– Я что, дак меня слухом обнесли и дома, и в лесу, что я убил милиционера. Не виновен я, и мои руки не в крови!

– Знаем это не от тебя, что ты к этому делу не причастен. Твоё последнее слово?

– Согласен я, идёмте, укажу, где прячутся бандиты.

3 июня. Ясная и солнечная погода начала быстро портиться. С севера потянулись многослойные свинцовые облака, ветер, набрав силу, принялся раскачивать верхушки деревьев. Лес монотонно шумел, подчиняясь природной стихии, птицы притаились в своих гнёздах. Даже вездесущие и любознательные сороки угомонились, забились под ветви деревьев, сжались в маленький комочек, распутив крылья. «По такой погоде, – подумал Егор Павленин, – легче незаметно подобраться к бандитам».

Утром на рассвете отряд Павленина Егора окружил землянку. Двоих караульных, уснувших у лесного ручья, повязали и уволокли в лес. Дверь землянки незаметно приоткрыли и бросили самодельную дымовую шашку, одновременно выстрелили Павленин и Субботин. По шуму и крикам бандитов можно было судить, что они в панике и страхе, но шашку всё же потушили, набросав на неё фуфайки. А что дальше? – вот вопрос.

– Граждане бандиты! – зычно закричал Павленин Егор. – Я начальник чёрмозской милиции. Вы окружены, и вам некуда бежать. На вас нацелены два ручных пулемёта. Даю пять минут, иначе вы все умрёте навсегда в этой земляной ловушке! Выходить по одному, оружие оставить в землянке!

Прошло пять минут, дверь открылась и первым показался Ермошка с поднятыми руками. За ним потянулись остальные. Всего вышло восемь бандитов. Их принимали милиционеры, обыскивали, связывали руки и ноги.

– Все вышли? – громко спросил Субботин.

– Кочегаров в землянке, отказался выходить.

Вдруг внутри бандитской пещеры прозвучал выстрел.

– Конец Кочегарову! Отгулялся по кривым дорожкам, память ему вечная, – философски подытожил Плешка. – Он мне не раз говорил, как подопьёт: «Домой мне дорога заказана. Лучше пуля в башку, чем отсидка в чёрмозских подвалах».

Павленин подкрался к открытой двери и заглянул внутрь. Кочегаров лежал у входа, струйка крови потянулась от правого виска. «Вот и наступил закономерный и печальный конец, – подумал Егор. – Долго мы тягались с тобой. Ты – за одно, мы – за другое, ты за царя и бога, мы за справедливость и рабочее дело. И вот твоя жизненная дорога упёрлась в тупик».

К Павленину подбежал Васёв:

– Егор Васильевич, всё вокруг обшарили, не хватает троих: Упыря, Музыканта и Петра. Как сквозь землю провалились!

Прояснил обстановку всезнающий Плешка:

– Чёрт возьми, тудыть-растудить, хотел ведь я вместо Музыканта на другую фатеру с Упырём идтить. Не захотел Упырь! Говорит: «Я ухожу, и со мной Петька, деревенский хмырь». А кто его стережёт? – «Музыкант. А тебе с нами места нету. Остаёшься за старшего. Командуй и бди!» – Плешка грязно выругался и заскрипел зубами.

Арестантов вывели из лесной чащобы на дорогу и стали ждать конские подводы из Тяпугино. Теперь на очереди поимка двоих главарей банды. «Ласточкин сообразит, как нас известить, – размышлял по дороге Егор Павленин. – Эта тройка здесь больше не задержится. Теперь Упырь рванёт к Чёрмозу, в родные места, в Палкинский лог. Там его надо ждать. Там его камешки и клад».

Через день все члены банды, захваченные в лесу, разместились в камерах чёрмозской тюрьмы, начались допросы. Лёгким испугом отделался Иван Сырчиков. Он подписался под заявлением, что никогда не вступит на преступный путь. Отпустили его в семью ровно через неделю. А за это время произошло много разных событий.

Пётр Ласточкин и другие

То, что у Упыря всегда было в избытке, это звериный нюх и интуиция. Какие-то потусторонние силы заставляли его мгновенно настораживаться и совершать невероятные поступки, которые он сам не мог объяснить и которые шли вразрез со сложившейся ситуацией. «К чему бы это?» – спрашивал он сам себя и не находил ответа. На деле эти необдуманные шаги и решения позднее становились самыми правильными. «Как же так, кто мною руководит?» – махал рукой и произносил: «Это дед Матвей с того света мне подсказывает».

Единственным светлым пятном в его тёмной и криминальной жизни был дорогой и любимый дед Матвей, который бережно принял младенца у умирающей дочери и заверил её:

– Не сумлевайся, Татьяна, парнишку я выхожу и на ноги поставлю.

Первое – выходить, дед справился на «отлично». А вот на ноги поставить – тут произошла осечка. Ушёл раз Матвей на охоту и не вернулся. Нарвался в таёжном лесу на медведицу с медвежатами, а ружьишко у него в ту пору заряжено было на пернатую дичь, и закончилась эта встреча трагедией. Нашли уже через год по весне ружьё со сломанным прикладом. Вот и всё, что осталось от деда. Так неожиданно стал десятилетний Равиль круглым сиротой.

Отвезли его добрые люди из Майкора в Чёрмоз, к тётке Марии, далёкой родственнице на седьмом киселе. Два года они прожили спокойно, старый да малый. Равиль учился хорошо, одолел пятый и шестой классы. А потом загулял парнишечка, с ворами связался, учёбу забросил, тётку перестал слушать. Всем известно, что город Одесса – мама для воров, больших и малых, Ростов, разумеется, – папа, а заводской посёлок Чёрмоз – их родной племянник!

И обозначилась в жизни мальчика только воровская масть. Хулиганил он, дрался, дебоширил, воровал и спекулировал. Всё это для Равиля стало обычным делом. Кличку авторитетную заимел в своём обществе – Упырь. Первые отсидки, тюремные университеты – всё прошёл он легко и непринуждённо. А потом быстро взлетел на вершину воровской пирамиды. Его короновали, и стал он вором в законе. Теперь у Упыря однозначно одна дорога до гроба – воровская, служить этому обществу до последнего вздоха.

Приход Ласточкина к ним несколько не удивил его. Мало ли нынче бродит всякого народу по дорогам России. Но внутренний голос вновь заговорил: «Приглядишься внимательно к нему: кто же он такой, чем дышит, каким богам молится». А где лучше распознать человека: в многочисленной толпе или в небольшой группе? Конечно, второе. Вот поэтому Упырь ушёл на запасную «фатеру», что была построена в двадцати верстах от Ивановского по направлению к селу Сретенскому.

Первые два дня прошли спокойно. Спали, отдыхали, любовались местными пейзажами. Музыкант всё время занимался с Ласточкиным. Они переиграли почти все известные им песни, и народные, и современные, пропели популярные романсы, добрались даже до классической музыки. Музыкант расцвёл, как божий одуванчик по хорошей весне. Ему явно вспомнились прошлые светлые годы.

О себе, своей жизни он мало кому говорил. Но Упырь знал о Музыканте кое-что. Впервые, родом Музыкант из дворянской семьи, и детство его было безоблачным и счастливым. До шестнадцати лет ходил в гимназию и увлекался музыкой. По окончании гимназии Родион Журавский (так его звали до воровской жизни) поступил в Московскую консерваторию. Окончен первый курс, впереди блестящие горизонты, прямая дорога в возвышенный храм искусства. А потом... какая-то чудовищная грязная история. В центре её оказался наш герой. Родные его не поняли, любимая девушка отвернулась, друзья не заступились. И пошло, и поехало. Родион в знак протеста ушёл из дома. Сначала бродяжничал, затем научился воровать помаленьку – голод ведь не тётка, не такому научит!

А позднее, когда попал в преступное общество, не брезговал грабежом и разбоем. Но, боже упаси, душа его, добрая и светлая, была против всякого насилия, против убийства и мокрых дел. Но те, кто его хорошо знал, всегда предупреждали: когда он в великой нервной

прострации – не подходи и дело не имей! Может прихлопнуть, как муху. Силой и ловкостью Родион был одарён природой.

Вот уже двадцать лет он в обойме воровского мира, у него богатая воровская биография. Но вором в законе Родион не стал. Все понимали, что его необузданный характер является препятствием взойти на вершину воровского общества. Вор в законе должен быть сдержанным, хитрым, волевым и даже мудрым, ведь ему придётся руководить не одной тысячью зеков, особенно на зоне. Музыканту это не дано от природы. А что дано ярко, броско – любовь к музыке, а это совсем чуждо воровской среде. Воры любят только блатные песни, остальная многоплановая музыка для них «терра инкогнита». Музыкант всей душой трепетно рвался к великой и чудесной музыке. Но где её взять, если ты не на воле, если все вокруг безнадежно глухи к ней.

В первые месяцы на зоне Родион удивил всех сидельцев. К нему быстро приклеилась кличка Бешеный. Однажды вечером после отбоя он схлестнулся с Ваней Тягуновым, вором авторитетным и бывалым. Но что произошло дальше – удивило всех. Ваня Тягун не смог оказать достойного сопротивления, и был мгновенно избит и повержен. И пошёл слух среди заключённых: если Родион в бешенстве, его в драке не одолеть. Звериная сила и скорость удваивают его успех – бешеный, что с него взять, отойди от него и не связывайся с ним. Но позднее, когда Родион обнаружил свои недюжинные музыкальные способности, кличка Бешеный сама собой исчезла из памяти, и стал Родион Музыкантом.

Упырь, наблюдая за тем, как Музыкант возится с Петром, словно с малым ребёнком, неожиданно вспомнил своё детство в Майкоре, дорогого деда Матвея, его мудрость, ласку и человечность.

– Я тебя, Равилко, – говаривал часто дед, – в учёные выведу. Закончишь школу, затем отведу в Пермь, там сродственник башковитый живёт. На попечение к нему отдам. Он преподаёт в этом... Тьфу, запомнил... А, кажись, вспомнил – в университете. В науку тебя отдам, и будешь ты умным и знатным человеком. Это я тебе твёрдо обещаю!

Неожиданно над головой на дереве громко каркнула ворона и улетела прочь. «Как ты нехстати, чучело лесное! – мысленно заругался Упырь. – Был в Майкоре, на родине детства, а теперь вот, зараза, в лесной дыре, без настоящего и будущего. Не в ту степь ударился. Надо думать, как голову сохранить и ноги унести, а я, как сопливый мальчик, мыльные пузыри пускаю! Пора о себе крепко позаботиться. Это хорошо, что он ушёл от Кочегарова и Плешки. Точно говорит народная пословица: двое хорошо, а третий лишний. Их как раз двое: он и Музыкант. Бродяга не в счёт. От него избавиться – ума не надо. А с Музыкантом мы до Палкинского лога доберёмся, камешки достанем. А сорваться одному легко, многих по жизни кидал, и Музыканта обманет. А теперь в путь, и немедля!»

– Вот что, – заявил Упырь за обедом, – надо уходить отсюда. Дорога по Ивановскому тракту на Чёрмоз нам закрыта, значит пойдём в обход. Нужны лошади. Как стемнеет, отправимся на промысел. А затем в ночь уходим на Ильинское. Там будет у нас первая остановка. Найдём одного караса, лошадей обменяем на лодку – и вверх по Каме. Умеете обращаться с лодкой?

Музыкант ответил просто:

– Не приходилось, но чувствую, какая поэзия предстанет передо мной!

Пётр, не дожидаясь вопроса, заверил:

– На реке вырос, дело обычное.

– Понятно. Двое умелых, один поэт и музыкант!

Пришла ночь, роса серебристой прохладой окропила траву и деревья. Без шума взяли лошадей, они паслись на лугу, набросали самодельные уздечки – и в путь! Вместе с первыми лучами солнца они вступили на мост, перекинутый через реку Обву. Впереди в прозрачном лёгком тумане просыпалось богатое торговое село Ильинское. В село они не поехали, а свернули вправо перед рекой Чолвой и разместились в еловом лесочке вблизи деревни Пепеляевой. Упырь наказал его ждать наготове и ушёл в село. В Ильинском, по его сведениям, проживал Савиных Пётр Николаевич, по кличке Савва. Срок Пётр отмотал и

решил завязать. Так он по крайней мере заявил на прощанье: «Прощай, братва, покидаю вас не по своей воле. Иду к семье. Решил заняться честным промыслом. Будете в моих местах – заходите, помогу обязательно, но без нарушений закона».

Алёха Упырь познакомился с ним семь лет назад при очень сложных обстоятельствах. Коровин и Упырь ограбили в Перми ювелирный магазин купца Севастьянова. Наводчиком был Савиных. Судили их в Чёрмозе. Алёха дополнительно проходил ещё по одному тяжёлому делу: грабёж и убийство инкассатора Золотова в Ильинском. Свидетель – близкий родственник Петра Савиных. Как ни изворачивался Алёха на допросах, убийство висело на нём железно. И всё же он нашёл подходы к судье – дал ему на лапу через своих чёрмозских друзей. Судья при очередной встрече подсказал Упырю, что главное в его деле – свидетель.

Савиных по просьбе Коровина отправил с женой записку, чтобы родственник-свидетель скрылся из Ильинского. Чёрмозские кореша подсуетились – отвалили ему хорошую сумму денег. И свидетель исчез! И дело по убийству развалилось: нет свидетеля – нет дела! Их судили только за ограбление и дали по десять лет. В стране был НЭП. К нэпманам у народа отношение отрицательное: пропали камешки – так ему и надо! Нажили добро нечестным путём. Осуждённые на вопрос: «Где драгоценности?» – отговорились тем, что их в ту же ночь какие-то мазурики избили и всё награбленное отобрали, мы сами жертвы каких-то мерзавцев. И отправились они после суда на зону по одной воровской статье.

Алёха Упырь вернулся после обеда:

– Седлайте лошадей, и в путь, на Слудку. Савва дал один хитрый адресок. Слыхали про Усть-Кемоль?

– Нет.

– И я тоже не знаю. Это нам ни к чему. Карасю свой товар скинем и слиняем.

Утренняя заря окрасила небо малиновым цветом. Крепкий свежий ветерок привольно разгулялся в зелёном море луговых трав. Он задорно раскачивал плакучие ивы, ольховник, черёмуху, верхушки стройных рябин, рассеянных по крутому склону оврага. Дальше, внизу глубокого лога, у незаметного ручейка, пышно расцвели два куста сирени. Один от основания до самой макушки благоухал, нежился в янтарных лучах солнца, разбросав по сторонам белые прозрачные цветы, и был похож на юную невесту, идущую к алтарю. Другой, более крупный и высокий, обильно усыпанный сиреневой ароматной бахромой, – определённо счастливый жених. Рой пчёл, деловито гудя, своими хоботками быстро вытягивал нектар и пахучий сахаристый сок из ярких цветов. Белоснежные чайки под крутым берегом устроили беспощадную охоту на окупёвую стаю. Они камнем падали в воду, погружались в неё и мгновенно вытаскивали рыбёшек разных размеров. Могучий ястреб, широко распластав огромные серые крылья, медленно парил над битвой чаек с рыбой, зорко высматривая, где и как можно пожить. Где-то вдаль, на русле Камы, загудели призывно пароходы-буксиры. Один, пыхтя и тужась, тянул вверх по Каме богатый груз, второй налегке, с ветерком, двигался вниз по течению. Краткий обмен приветствиями в громкие рупоры речных капитанов, и вновь тишина. Природа притихла, готовясь к началу жаркого летнего дня.

Нашим беглецам было не до красот расцветающей природы – на спине тяжким грузом тянут мешки с продуктами, в руках лодка, которую надо дотащить до берега Обвы. Упырь с придыханием простонал:

– Уф, язва ядрёная! Все кишки в брюхе у меня перевернула! Слава аллаху, добрались!

Ласточкин невозмутимо молчал. Только Музыкант заговорил в ответ, но явно не на злобу дня:

– Какая красота! Куда мы попали? Скажу прямо: в земной рай! Чудесное утро, удивительная Обва, спокойная и красивая. После этого хочется жить не одну сотню лет!

– Помолчи, Музыкант! Не до тебя и твоей природы, – возмутился Упырь.

Музыкант, всё ещё очарованный, резко вздохнул и запел:

Бродяга к Байкалу подходит,

Рыбацкую лодку берёт,

Веселую песню заводит,
О родине что-то поёт.

Наконец погрузились в лодку, мешки и сидора покидали на корму, вёсла в руки, и лодка легко заскользила по воде на соединение с величавой матушкой Камой. Перед их взорами проплывали камские дали. Ближе к лодке – луга, покрытые густой зеленью кустарников, за ними синели могучие сосновые и еловые леса, а дальше у горизонта полыхали последние зарницы наступающего дня.

Камские берега, правый и левый, резко отличались друг от друга. Правый берег, высокий и отвесный, неумолимо наступал на реку. Крутые угоры, глубокие овраги среди дремучего леса сменялись заливными лугами. Явно проглядывались многочисленные деревни, деревушки, хутора, а иногда большие сёла с высокой церковью. Левый берег, как правило, был низким, часто болотистым и пустынным. Люди не стремились обжить эти места, так как по весне большая часть лугов заполнялась водой во время бурного разлива реки.

Первую ночь провели у костра на крутом берегу Камы. Потрескивали тихо сучья, камская волна бесшумно набегала на берег, перекатывая по песку мелкую гальку. Ночь была тёплой, молочный туман повис клочьями на ветвях столетних сосен, соловьи до утра распевали песни в непроходимых зарослях черёмухи. Спалось спокойно и удивительно легко! Причиной этому явлению была тяжёлая работа за вёслами, целебный воздух леса и уверенность, что здесь-то, в лесной глуши, их никто не найдёт.

Ранним утром, когда лучи солнца прорезали сумрак сосновой чащи, а кукушка нахально, ни с кем не посоветовавшись, принялась куковать весело и с задором, первым проснулся Музыкант.

– Хватит дрыхнуть! – воскликнул он. – Посмотрите, какое яркое утро, как замечательно вокруг! Спасибо тебе, милая кукушка, сторож леса, ты нам напомнила, что начался день. Это значит, что мы опять продолжим бросок на север, во владения нашего князя Алёхи Упыря. Да здравствует солнце! Да скроется тьма!

– Спасибо, Музыкант, – зевая, ответил Упырь. – Услышал твои громкие призывы и потому говорю: шабаш кемарить, соколики, в лодку – и в путь!

– Фу, как грубо и прозаично, – скривился любитель природы. – Не видишь ты, Алёха, красоты и поэзии вокруг!

– Красоту я замечаю тогда, когда у меня в кармане звенит монета. Всё, хватит хрюкать, берём сидора, и в лодку!

Вечером этого же дня догребли до Палкино. Лодку запрятали в прибрежном ольховнике и по луговой тропке забрались на крутой берег вблизи деревни Ефтино.

– Место отличное, – одобрительно заметил Упырь. – Слева село Усть-Иньва, справа Палкино. Мы почти на месте. Найдём заимку Митрохи Ракинцева и там обоснуемся и заночуем.

На новом месте спали вповалку на полу полуразрушенного амбара. Ласточкин долго не мог уснуть, лежал с закрытыми глазами и размышлял: «Завтра решающий день. Упырь уйдёт за драгоценностями в Палкинский лог. Мне и Музыканту он не доверяет. Помощник будет со стороны, некий Сенька Бородин, из деревни Бородиной. Люди Егора Павленина уже здесь. Как с ними связаться?.. Пока спать. Придёт день, и он ответит на все вопросы».

После завтрака Алёха Упырь утёрся рукавом, рыгнул и сквозь зубы процедил:

– Всё, братва, я ухожу в Палкинский лог. Там у меня встреча с Бородиным. Ты, Музыкант, и ты, Бродяга, ждите меня здесь. Если не приду к вечеру, спускайтесь на луга, встреча у лодки.

Музыкант угрюмо молчал. Пётр заметил, как он был расстроен: отвернулся от Упыря, отвечал невпопад. Он явно был обижен, что Упырь не берёт его с собой. После ухода Упыря Музыкант улёгся под тенистую берёзу, о чём-то думал и дремал.

– Бродяга, – вдруг он заговорил, – я уйду вслед за Упырём. Чует моё сердце, что он хочет меня кинуть по-крупному, с камешками сбежит и до свидания не скажет. Я с ним разберусь, потребую свою и твою долю.

– Поступай, как тебе совесть велит!

– Ты хороший парень, Петруха! Не прощаюсь, мы ещё увидимся, – он помахал рукой и скрылся в зарослях оврага.

Вскоре Пётр набрёл и на своих товарищей-чекистов. Он спустился к ручью с ведром за водой. Его осторожно окликнули. Оглянулся – к нему подбежал Ваня Куликов из пермского оперативного отряда:

– Ты один на заимке?

– Да. Остальные, Упырь и Музыкант, ушли в лога.

– Есть у них оружие?

– Пока не видел. Но, думаю, что они вооружены. Вас сколько?

– Трое.

– Один из вас немедленно уходит к Павленину Егору с устным сообщением: «Упырь в логу. Музыкант ушёл за ним. Их трое, третий Бородин, местный житель. Перекройте все выходы из Палкинского лога с трёх сторон, оставив им коридор сюда на заимку. Здесь, на заимке, их будем брать». Запомнил?

– Да!

– Уходи!

Бойцы залегли на восточной опушке соснового бора, плотно закрыв путь отхода к реке Каме. Время тянулось мучительно медленно. Солнце уже наклонилось к горизонту, ветер стих, в лесу тишина – за версту слышно! Вот где-то дятел надумал пообедать и принялся долбить кору молодой сосны, вот чуть-чуть зашумели листья берёзы – это дрозды уселись отдохнуть... Но вдруг застрекотали пронзительно сороки, а затем где-то близко прозвучал выстрел, в ответ раздался резкий и отчаянный человеческий крик. Минут через пять из оврага выбежали двое мужчин – это были Упырь и Бородин. Они бросились бежать к амбару, тяжёлые мешки за спиной затрудняли их продвижение по поляне. Дверь амбара захлопнулась, бандиты затаились. На поляну вышли бойцы во главе с Егором Павлениным. Они быстро рассыпались и окружили амбар. Осаждённые отвечали редкими выстрелами из обрезка и ружья.

– Будем брать! – приказал Егор. – Петя, ты мне нужен. Давай с тобой ворвёмся в амбар.

– Согласен! – твёрдо ответил Пётр.

Егор водрузил на деревянный шест чекистскую фуражку, поднёс к дверям – раздался выстрел.

– Делай, как я, – приказал Павленин. – Как они оба выстрелят – врывайся в амбар!

Так и произошло. Бандиты ответили двойным залпом. Егор резко открыл дверь амбара, кинулся внутрь – раздался выстрел... У Упыря была двустволка! Павленин схватился за грудь и повалился на пол. Чёрной молнией промелькнул Ласточкин – удар ногой в солнечное сплетение Упырю, правой рукой он сжал шею Бородину, левой ткнул в биологически активную точку. Бандитов повязали и вытащили из амбара на поляну.

Егор Павленин был жив – пуля опять пробила левое лёгкое! Фельдшер Новиков Николай быстро перевязал рану. Егор дышал тяжело и прерывисто. Его бережно уложили на носилки и понесли по лесной тропе вниз на луга. Было принято решение: Павленина доставить в больницу речным путём, на лодке, лесная грунтовая дорога причинила бы ему много страданий. В лодку бойцы погрузили ещё одного раненого – Музыканта. Это его возмущённый, отчаянный крик услышал Ласточкин с бойцами. Упырь безжалостно убрал соперника, выстрелив ему в грудь. Увидев Петра, Музыкант прошептал:

– И ты Брут, Петруха! А впрочем, это хорошо, что ты не с нами, ворами. Ты честный и правильный парень. Я бы хотел иметь по жизни такого друга. Может, ещё увидимся?

– Обязательно. Жди, я к тебе зайду в Чёрмозе, – и помахал ему рукой.

* * *

Егор Павленин недолго задержался в чёрмоозской больнице. После операции его положение оставалось очень тяжёлым и вызывало у врачей опасение. Было принято решение отправить Павленина в Пермь. На пароходе Егора Васильевича сопровождали фельдшер Павел Суханов и жена Татьяна. Лечение в Перми затянулось на все четыре месяца. Татьяна после месячного дежурства уехала домой – Егору полегчало, а врачи заверили: ничего опасного, страшное уже позади.

Глубокой осенью последним пароходом Егор Павленин возвращался домой. На дворе разноцветный и грустный октябрь. Егор вышел из каюты и поднялся на верхнюю палубу. Судно только что отвалило от пристани села Слудки. Хмурое и смутное утро нехотя просыпалось на востоке. Тёмные облака вдруг осветились, и складывалось обманчивое впечатление, что какой-то добрый волшебник, чтобы помочь природе и людям, натаскал кучу дров, разжёг яркий костёр и принялся с его помощью разгонять ночную тьму и утренние сумерки. Вскоре появился небольшой кусочек синего неба. В эту небесную лазурь заглянул один, второй солнечный зайчик, а за ними целый пучок живительных янтарных лучей. Серые облака быстро растворились на горизонте, и сияющее солнце известило, что день сменил ночь. Пароход мощно разрезал встречную волну, которую неумолимо гнал вниз по течению северный ветер. Последние чайки, задержавшиеся по неизвестной причине, с криком сопровождали пароход.

Егор внимательно рассматривал родные места. Справа проплывали обширные пустынные луга, и только стога сена, прибитые осенними дождями, напоминали, что здесь когда-то было ослепительное и жаркое лето. Яркими багряно-жёлтыми островками светились на солнце рябиновые и калиновые рощи. Слева ласкали взор вечнозелёные сосновые и еловые леса. Вдали, заняв половину горизонта, медленно надвигался завод. Глухие и резкие звуки работающих машин органически сливались в радостную симфонию труда. А вот пристань! Егор сошёл по трапу на берег, к нему подбежал возбуждённый Петя Ласточкин:

– Здравствуйте, Егор Васильевич! Как здоровье? Встречаю вас один, ваши родственники ждут вас дома. Поедем на машине, прокачу с ветерком!

Машина, разбрызгивая лужи, быстро помчалась по раскисшей от грязи дороге.

– Всё спокойно в районе? – спросил Егор Васильевич.

– На Шипке всё спокойно! Был один острый момент, но разобрались быстро.

– Где это произошло?

– За селом Ивановским.

– Снова Ивановск, – задумавшись, сказал Егор Васильевич. Было видно по выражению его лица, что мысли быстро унеслись в недалёкое прошлое, когда Егору пришлось многое пережить и многое сделать...

– Отдохну неделю – и за работу. Как приду, расскажешь, Петя, всё подробно.

– Жду вас, Егор Васильевич, с нетерпением. Сдаю дела и возвращаюсь в Пермь.

– А как же Анята Белякова? Ты в Перми, она в ивановской глуши?

– Анята уже в Перми, учится на медицинских курсах. Приеду – поженемся! Квартиру мне обещает начальство, уйду из общежития.

– Понятно, Петя. Вижу, что время зря не терял. Хвалю и одобряю.

Через неделю Егор Васильевич приступил к работе.

На западе,
где-то за Москвой

Апрель 1942 года, Калужская область, деревня Серебрянка. Весной на фронте наступило некоторое затишье. Советское командование стремилось закрепить успехи, добытые в тяжёлых зимних боях, сохранить за собой инициативу. 16-я армия, руководимая генерал-лейтенантом К. К. Рокоссовским, готовила на брянском направлении новые удары.

Полковник Зарубин, начальник армейской разведки, ждал из Москвы очень важных гостей. Вчера ему позвонил генерал Одинцов:

– К тебе направляются люди Судоплатова. Скажу по секрету: готовится очень сложная разведоперация с использованием твоих людей и партизан. Подробности на месте. Ты обязан им помочь всем необходимым: кадрами, разведданными. Надеюсь на тебя – не подведёшь!

С Петром Ласточкиным читатель познакомился в повести «В уральских лесах», когда он вместе с Егором Павлениным ликвидировал вблизи села Ивановского большую банду уголовников. Это был 1935 год. За последующие шесть лет Пётр резко пошёл в гору и сделал головокружительную карьеру: в 1937 году его переводят в Москву, затем учёба на Высших курсах работников НКВД, по окончании направляют в отдел внешней разведки. Жена его блестяще заканчивает Первый медицинский институт города Москвы и увлечённо работает в кремлёвской больнице. Начавшаяся война с фашистами на время разлучила их. Пётр окончательно перешёл на военное положение, уже и ночевал на работе. Что касается Анны, она попрощалась с мужем и уехала на железнодорожную станцию. Там её поджидал эвакуогоспиталь № 12-14. Через два года она становится начальником этого лечебного учреждения на колёсах.

* * *

Неделю назад перед Петром Ласточкиным была поставлена конкретная задача: ликвидировать в кратчайший срок немецкую разведшколу в деревне Ягодная Поляна. Состав этой школы был удивительным: двенадцати-тринадцатилетние мальчики. Фашисты их собрали с Калужской, Калининской, Брянской областей. Учителя-наставники – суперразведчики фашистского Абвера. Разработал программу этой детской школы полковник Отто Фогель. К преподаванию и обучению он привлёк русских и советских офицеров, которые продали свою душу и жизнь за страх, а кто за иудины серебряники...

Жаль этих мальчиков, запуганных и охмурённых арийской пропагандой. Фашисты нагло и целенаправленно готовили их к дерзким диверсиям, убийствам и терактам. Пусть русские убивают друг друга! Это им наказание за то, что не хотят склонить непокорную голову перед Гитлером. Так им и надо, русским необразованным свиньям!

Школа начала свою работу 1 февраля 1942 года. Через девять месяцев выпуск.

«Надо сделать всё возможное, чтобы не было никакого выпуска. Найти ключик к сердцам этих юных земляков и вырвать их из объятий фашистских зверей!» – так думал Пётр Ласточкин во время пути. Рядом с ним сидела Павленина Валя, дочь Татьяны Сыропятовой. Искали её всем миром и нашли! Она служила на Ленинградском фронте радисткой в 11-й артиллерийской бригаде. Была разработана многоходовая операция под названием «Родственники». Валя в этой операции – ключевая фигура. Она родная дочь майора немецкой армии Алексея Маркеловича Сыропятова, который был заместителем начальника детской диверсионной школы. Ни у Сыропятова, ни у Вали и тем более у её матери никогда не возникала в голове мысль, что они когда-нибудь встретятся на этой земле! Все знали, и Татьяна тоже, что она вдова мужа Сыропятова Алексея, погибшего в годы Гражданской войны. Так же думала и Валя. Известие, принесённое чекистами, что её отец жив, очень удивило и расстроило девушку. Валу убедили, что она становится главным игроком в будущей операции. Ей предстоит ни много ни мало убедить отца навсегда порвать с немецкими хозяевами и помочь спасти русских мальчишек.

«Виллис» лихо подкатил к штабной землянке, притаившейся под тремя могучими соснами.

– Вам сюда, – сказал шофёр. – Товарищ полковник ждёт вас с утра.

Первое знакомство, сдержанное рукопожатие. Посреди землянки большой стол с развёрнутой на ней штабной картой. Молодой и высокий капитан с указкой в руке с улыбкой приветствовал гостей:

– Манаков Анатолий Петрович, командир оперативной группы. Разрешите вас ввести в детали оперативной обстановки.

Хозяева и гости целый час изучали карту и наконец пришли к единому решению. Сегодня в ночь двумя самолётами разведчики и москвичи вылетают в брянские леса на хутор Лесной, там находится партизанский аэродром. Далее с партизанами-проводниками отправляются на запад. Тяжёлый марш-бросок в восемьдесят-девять километров за два дня и выход на границу с Калининской областью. Там в лесном урочище Ягодной Поляны обосновалась школа вермахта. В десяти километрах от неё – районное село Муратовка, где находится сильная подпольная организация, она предлагает свою помощь.

– По плану всё? – спросил Ласточкин. – Если нет возражений, слушайте мой приказ: активный отдых и продуктивный сон! Необходимо накопить больше сил, они пригодятся нам в брянских лесах.

Прошло два дня. Группа разведчиков и партизан успешно приближалась к намеченной цели. Проводник Архип Зырянов, уроженец этих мест, сказал, обращаясь к Ласточкину:

– Через два часа покажется Муратовка. Но нам туда не надо. Заходить в село без пропусков – верная смерть! Я поведу вас к озеру Светлому. Дорогу к нему знаю только я. Ни одна немецкая шавка туда носа не сунет! А мы расположимся там, как у Христа за пазухой. Запомните ориентиры: до школы болотами шесть вёрст, а по дороге – четырнадцать, до райцентра – семь вёрст, а по тракту – бери двадцатник!

Первые встречи

Майор Сыропятов Алексей Маркелович готовился к выходным дням. По традиции, он со своим сослуживцем обер-лейтенантом Евгением Зиминым по субботам выезжал в райцентр в ресторан «Ласточка». В нём можно отлично отдохнуть, расслабиться, потанцевать, а если захочешь фройлен, то всегда пожалуйста! Поднимись на второй этаж, там тебя поджидают местные красотки. Так проходили субботы вот уже несколько месяцев. А по воскресеньям – русская баня со всеми прибабасами и примочками. К тому же дворник и истопник Зиновий Петренко был большим специалистом по организации банных услуг.

Алексей сидел один за столом в ресторане. Зимин ушёл наверх поразвлечься. К Сыропятову подошёл капитан-интендант, он поздоровался, отдал честь и на чистом немецком языке обратился к нему:

– Разрешите составить вам компанию?

– Не возражаю.

– Я Арнольд Гуттенберг. Нахожусь в командировке. Две недели придётся провести в этой захолустной дыре!

– Будем знакомы – Сыропятов Алексей Маркелович!

– Как здесь служитесь?

– Как у всех, господин капитан. Донимают партизаны. Находим противоядие. А что делать – солдатская служба. Надеемся на лучшее. Второй год войны, на мой взгляд, будет решающим: Советы отбросят за Урал, а там и желанная победа, и парад в Москве.

– Господин майор, как вам Россия?

– К ней у меня никаких чувств. Двадцать лет назад я покинул Россию навсегда! По рождению я, к сожалению, русский. В молодости лаптем щи хлебал! Что было, то прошло, бурьяном поросло! Об этом замечательно написал Сергей Есенин: «Не жалею, не зову, не плачу, всё прошло, как с белых яблонь дым!»

– Благодарю вас, господин Сыропятов, за откровенность. Рад бы задержаться и продолжить приятную беседу, но, увы, дела! У меня важная встреча. Разрешите откланяться!

Этот мимолётный разговор почему-то разволновал Алексея. Он выпил рюмку коньяка, вторую и погрузился в воспоминания. За годы пребывания в Германии Сыропятов научился думать по-немецки, но сейчас его мысли протекали только на русском языке: «Что со мной?»

Почему я так одинок? Где моя семья? Что с ними и где они? Почему он, исконно русский человек, оказался в эту великую войну в противоположном лагере? И зачем ему это всё надо: фашистские чины, погоны, чужая страна, чужие нравы? Кто ему разбередил душу? Поэт Есенин или незнакомый капитан?» И Алексею припомнилось, как он с Пирожковым оказался на немецкой стороне...

Шёл 1936 год. Они по-прежнему всё ещё в глубоких шахтах. Внезапно их хозяин, слюнявый и дряхлый старик, умирает. Наследников не нашлось. Стража разбежалась, и они вылезли на поверхность. Первую неделю Алексей не мог смотреть на солнце. Яркие лучи его буквально прожигали глаза. Пришлось натянуть на лицо платки. Глаза, годами не видевшие дневное светило, постепенно привыкали к яркому свету.

Через месяц они добрались до морского порта вблизи Сингапура. Пирожков опять загорелся безумной мечтой:

– Надо уехать на корабле в Европу!

Никому они не были нужны – человеческие скелеты в смрадных тряпках! Страшно бедствовали и нищенствовали. Денежная работа была редкой и сказочной удачей. И так целый год!

И вдруг им крупно повезло. К причалу пришвартовался белый, ослепительный лайнер «Кайзер Бисмарк». Алексей и Пирожков с любопытством наблюдали за морским судном. Шла погрузка товара.

– Неужели это он? – выдохнул радостно Пирожков и перекрестился.

– Кто он? – спросил Сыропятов с подозрением.

– Фёдор Полуянов! Вместе служили на военном корабле. Постой здесь, я покандыбаю до него!

Алексей видел, как они долго стояли, разговаривали, размахивая руками. Потом Пирожков резко повернулся и пошёл к нему.

– Ну? – с нетерпением спросил Сыропятов, глядя на своего товарища.

– Не ну, а да! Это Федя, и представляешь, он меня узнал! Ночью корабль уходит в Европу, и Фёдор нас берёт на судно. Вот это зигзаг судьбы! Об этом я мечтал только в счастливом сне! Отсидимся в трюме – нам не привыкать. Зато бесплатно, на халяву, прибудем в цивилизованную Европу! Там у нас будет наконец нормальная жизнь! Ура, Алёша! Нас ждут великие дела!

И Фёдор Полуянов сдержал слово! Через три месяца они сошли на берег в порту города Гамбурга. К тому времени в Германии к власти пришёл Адольф Гитлер. В стране начались политические репрессии против коммунистов, евреев, людей без социального статуса – бродяг, иностранцев... Через день их арестовали и бросили в фильтрационный лагерь. Первые допросы, избиения, угрозы.

– Решайтесь, сявки, – заявил при допросе фельдфебель Ганс Зиммер, – или вы поддерживаете социал-национализм, или вас выбросят из страны – это в лучшем случае! Можем отправить в концлагерь. Кормить такую сволочь, как вы, великая Германия не намерена.

Сыропятов и Пирожков были вынуждены подписать кабальный договор, что будут сотрудничать с германскими властями, уважать законы и правительство страны. Через два месяца они оказались в разведшколе Абвера. Целых полтора года их обучали всему, что крайне необходимо разведчику-диверсанту. Выпуск состоялся за месяц до начала Второй мировой войны. В конце 1939 года их забросили в Польшу со специальным заданием: выследить и уничтожить бывшего русского генерала Булаг-Балаховича С.Н. Последний при поддержке патриотично настроенных поляков вёл антигитлеровскую пропаганду.

В 1940 году мятежный генерал был расстрелян в машине по дороге на дачу. Алексей лично участвовал в этой политической расправе. Так начиналась его военная служба на благо «великой Германии».

Автор Юркевич Игорь Владимирович